

Но теперь она знала, какая жестокая душа скрывается под маской пылкой любви этого мужчины. Воспоминания о былой нежности превратились в сердце си-фэй в горький яд, в одно мгновение обернувшись ненавистью.

— Что случилось? — Император приподнял бровь и, наклонившись к си-фэй, с легким лукавством в голосе пожаловался: — Я в полном воодушевлении пришел позвать мою любезную наложницу в поездку по Башу, с надеждой подарить красавице улыбку, а ты...

Он прикоснулся кончиком носа к влажным от слез глазам си-фэй, принялся и пошутил:

— Неужели это запах нежелания разделить со мной ложе этой ночью?

Си-фэй поспешно опустила голову, вытерла слезы и ничего не ответила.

— В чем дело? — Видя, что она так и не уловила его тона, Император сбросил шутливую маску и недовольно произнес: — Я ведь сказал, что тебе не придется самой подниматься в горы. Радостное событие, а у тебя вид такой, словно тебя ведут на казнь. Или ты недовольна тем, что я забочусь о тебе?

*

И-гуйжэнь уже несколько дней не находила себе места. Какое-то непреодолимое желание терзало её душу, не вырываясь наружу, но и не утихая.

Четвертый принц рассказал ей, что тун-фэй пристроила к си-фэй служанку по имени Чуньфан, прежде прислуживавшую ей самой.

Это было важной тайной, способной оказать си-фэй огромную услугу — куда более весомую пользу, чем шитье плюшевого зайчика для седьмого принца.

И-гуйжэнь уже давно хотела выслужиться перед си-фэй, но вовсе не ради братания четвертого принца с седьмым принцем.

Она хотела задействовать си-фэй как мостик, чтобы получить возможность предстать перед Императором.

Всё остальное было пустым. Лишь потому, что она, мать, не пользовалась благосклонностью, её сыну приходилось, забыв о гордости, заискивать перед никчемным третьим принцем.

Да и толку выслуживаться?

Третий принц не станет Императором, а четвертый принц так и останется без титула вана.

И-гуйжэнь подошла к туалетному столику, села и, взяв деревянный гребень, поправила пряди на висках.

Ей было уже двадцать восемь лет. В её юном облике, запомнившемся со времен первой ночи в шестнадцать лет, давно произошли перемены: ушла свежесть юности, но прибавилась зрелая утонченность — будто цветок на пике своего цветения перед тем, как увянуть, исполненный особого очарования.

Она хотела успеть сделать еще одну попытку, пока красота не увяла окончательно.

Отбросив сомнения, и-гуйжэнь поднялась, достала из-под подушки искусно сшитый

ароматический мешочек и, храня в груди секрет тун-фэй, вместе с личной служанкой отправилась во дворец Цинцун.

Она рассчитывала применить этот секрет, чтобы выслужиться перед си-фэй и добиться того, чтобы та замолвила за неё слово перед Императором. Однако она и представить не могла, что при первом же визите ей улыбнется невероятная удача.

Завернув в переулок возле дворца Цинцун, она неожиданно столкнулась с Императором, облаченным в повседневное темно-пурпурное одеяние.

Служанка поспешно склонилась перед Императором в поклоне.

И-гуйжэнь от неожиданности выронила ароматический мешочек из рук и вовсе забыла о поклоне, ошеломленно уставившись на Императора.

Лицо Императора было мрачным — похоже, он вылетел в дурном расположении духа из дворца си-фэй — и теперь с недовольством уставился на женщину, забывшую о правилах приличия.

Он не сразу узнал и-гуйжэнь, но её перепуганный вид вызвал у него жалость. Погасив гнев, он сделал шаг вперед и лично поднял упавший ароматический мешочек.

— Ваше Величество... не стоит! — И-гуйжэнь попыталась остановить его, но было поздно.

Император выпрямился, слегка помахал мешочком в руке, точно спрашивая: «Твое?»

Не ведая, в гневе он или в милости, и-гуйжэнь дрожащими руками протянула ладони и пролепетала:

— Благодарю, Ваше Величество...

Император не отдал ей мешочек, а лишь поманил её к себе.

Растерянная и-гуйжэнь сделала шаг вперед, и вдруг Император обнял её за талию.

Давно забытое мужское дыхание вмиг окутало её. Сердце и-гуйжэнь заколотилось так, будто готово было выпрыгнуть из груди, и она не понимала, наяву это происходит или во сне.

Император закрепил мешочек на её поясе и, чуть склонившись, тихо спросил над её головой:

— Пришла к си-фэй?

Мысли и-гуйжэнь смешались, остался лишь автоматический ответ:

— Да...

Император холодно хмыкнул:

— За обедом со мной у неё голова кружится, а вот болтать с сёстрами сил хоть отбавляй?

Опомнившись, и-гуйжэнь так и не осмелилась поднять взгляд на Императора и робко спросила:

— Госпожа плохо себя чувствует?

— Да что с ней станется! Капризничает просто, — Император посмотрел на и-гуйжэнь сверху

вниз: — Подними голову.

И-гуйжэнь хотела проявить кокетство, подобающее наложнице Императора, но от волнения вся оцепенела и, бледная, подняла лицо, испуганно отводя глаза.

— Хочешь отправиться со мной в Башу? — серьезно спросил её Император.

И-гуйжэнь всерьез усомнилась в реальности происходящего.

Она и в мечтах не смела надеяться на такую милость.

Император зовет её сопровождать его в поездке?

— Я... — Переведя дыхание, она хотела ответить согласием, но Император поднял руку, останавливая её.

— Не отвечай сразу. Подумай хорошенько, а затем скажи си-фэй, и пусть она передаст мне.

Сказав это, Император ушел.

И-гуйжэнь ещё долго стояла на месте, застыв от потрясения, всё её тело едва заметно дрожало.

Стоявшая подле служанка изумленно глядела на её профиль, не понимая, почему Император внезапно обратил взор на забытую наложницу.

И-гуйжэнь и сама этого не знала.

Она не знала, что Император всего лишь хотел её руками заставить си-фэй поревновать и напомнить той, что не стоит злоупотреблять благосклонностью.

И-гуйжэнь решила, что Император действительно собирается взять её с собой.

Она даже не успела поделиться важным секретом с си-фэй, а уже снискала императорское расположение.

От автора:

Лу Цзыяо вспомнил о мерзавце-императоре из оригинального романа, резко заправил назад молоко «Ванцзай» и отказался им делиться!

— Все императоры — законченные подонки!

Лишившийся любимого молока Седьмой: «???»

Под палящим солнцем и-гуйжэнь растерянно стояла на углу переулочка, всё ещё пребывая в сладком сне о внезапном благоволении монарха.

Прежде служанка давно бы уже раздраженно поторопила её, но сейчас молчала. Затаив злобу, она смотрела на хозяйку, не смея выказать недовольства из-за той неожиданной близости, проявленной Императором.

— Госпожа, дворец Цинцун прямо перед нами, — изнемогая от жары, тихо напомнила служанка.

— Ох... — И-гуйжэнь словно очнулась, но лишь отчасти. Неловко сделав пару шагов в сторону дворца Цинцун, она снова остановилась и нервно зашептала: — Нет... си-фэй ни за что не станет передавать моё решение. Мне нужно подумать... нужно подумать...

Служанку извела её суета, и она нетерпеливо проговорила:

— Госпожа опять передумала засвидетельствовать почтение си-фэй? В такую-то жару тащиться в такую даль... Столько хлопот! Вы уж подумайте как следует!

В голове у и-гуйжэнь царил сумбур, быстро решить она ничего не могла, а разозлить служанку боялась. Повернувшись к ней, она виновато улыбнулась:

— Ступай пока к себе, отдохни, а я еще подумаю.

Заметив этот заискивающий тон, служанка мгновенно утратила остатки почтения и сердито отчитала её:

— Вам, в вашем статусе гуйжэнь, ходить без личной служанки — значит нарушать правила! Если старшая служанка увидит, по щекам отхлещут нас, слуг, а вам лишь бы потешаться!

И-гуйжэнь не смела возразить и была вынуждена вернуться во дворец. Она решила сперва обо всем пораскинуть мозгами, а уже потом идти к си-фэй, дабы случайной оплошностью не погубить небывалую удачу — поездку с государем.

Не то чтобы она была так уж труслива от природы; просто сама раньше была служанкой и прекрасно знала, что жизнь отвергнутых наложниц полностью зависит от их служанок и евнухов.

Взять хотя бы ежедневные походы на Императорскую кухню за едой.

Евнухи распределяли блюда по табличкам дворцов, соблюдая строгую иерархию милости.

Первому классу готовили всё по индивидуальному заказу.

Второй класс получал блюда строго по рангу, согласно спискам главного евнуха кухни.

Самое же худшее доставалось забытым наложницам: их служанки обязаны были вставать в самый конец очереди, и никаких хороших блюд им уже не доставалось.

Евнухи Императорской кухни присваивали лучшие кушанья себе, а служанкам брошенных жен всовывали остатки да холодную жижу.

Иногда отвергнутые наложницы отдавали личные сбережения, чтобы служанка подкупила евнухов ради пары сытных обедов. И тогда всё решало усердие служанки: если отношения между госпожой и служанкой были дурными, деньги наложницы запросто могли быть потрачены впустую.

Единственный человек, способный вступить за них, — Император — был недостижим, а Императрице и подавно не было дела до их мелких невзгод. Вот и приходилось заискивать перед собственными слугами, чтобы те хоть что-то делали на совесть.

Вернувшись во дворец, и-гуйжэнь перебирала в голове события и всё никак не могла понять, почему Император велел передать её решение через си-фэй.

А что, если си-фэй сама захочет отправиться в поездку? Не скажет ли она нарочно, что и-гуйжэнь отказалась?

От беспокойства и-гуйжэнь не находила себе места. Наконец она попросила служанку сходить в Восточный дворец и узнать, там ли четвертый принц, чтобы призвать сына и посоветоваться с ним.

Ведь такой шанс выпадает лишь раз в жизни.

*

Пятый принц услышал от какой-то дворцовой служанки народные сказания.

Должно быть, это была какая-то приключенческая повесть о боевых искусствах, потому что последние два дня он бесстанно принуждал двух младших братьев отрабатывать «ладони железного песка» и «тенивые лежающие удары».

Он настолько замучил седьмого принца, что у того с лица не сходило выражение: «Как же меня всё достало».

<http://bllate.org/book/18379/1766834>